

Прошло ли время философии?

И.Ф. Михайлов

В эпоху, когда эмпирические науки – когнитивная психология, искусственный интеллект, нейробиология – все более вторгаются на территорию, оставшуюся за философией после кантовского «коперниканского переворота», возникает закономерный вопрос: не становится ли философия как таковая лишь единицей хранения исторического архива человечества и частью кругозора «культурного человека», не оказывая более влияния на актуальные поиски истины? В статье через частичный пересмотр расхожих представлений о структуре научного знания определяется законная сфера применения профессиональных компетенций философов. Сначала приводятся аргументы, демонстрирующие несостоятельность возможных претензий философии на независимое от науки описание мира. Затем в ходе анализа структуры научного знания выделяется ранее в целом игнорируемый элемент – научные онтологии, или концептуальные схемы. Утверждается логическая независимость научных онтологий от теоретического и эмпирического компонентов науки. Выбор той или иной онтологии рассматривается как свободный выбор и творческий акт ученого, влияющий на конкурентные преимущества предлагаемой теории. Анализ и критика научных онтологий предлагается в качестве легитимной сферы приложения философских компетенций, наряду с метаонтологией – нормативной дисциплиной, трактующей возможности и правила построения предметных онтологий.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: онтология, метаонтология, научная теория, объектная модель, математика, эпистемология, философия науки.

МИХАЙЛОВ Игорь Феликсович – кандидат философских наук, старший научный сотрудник Института философии РАН.

ifmikhailov@gmail.com

https://iphras.ru/igor_mikhailov.htm

Статья поступила в редакцию 4 марта 2018 г.

Цитирование: *Михайлов И.Ф.* Прошло ли время философии? // Вопросы философии. 2019. № 1. С. 15–25.

Философия и математика – две самые старые отрасли науки, старые как сама цивилизация, и большую часть науки можно рассматривать как постепенный переход от философии к математике. Это поможет вам проложить свой путь в любой академической дисциплине... если вы чувствуете недостаток идей, обращайтесь к философии, а когда вы чувствуете, что у вас нет инструментов, обращайтесь к математике.

Сандро Сканзи

Может ли философия быть знанием о мире?

Очень часто дискуссии между философами бывают неразрешимы из-за разного понимания спорящими специфики философского знания. Кому-то представляется, что он или она высказывает нечто важное и фундаментальное «о мире и месте человека в нем», а кто-то помогает ученым решить некоторые логические, концептуальные или эпистемологические проблемы. Разные намерения часто порождают несоизмеримые результаты, и спор при этих условиях оказывается неэффективен.

Я бы выделил две принципиальные позиции в дискуссии о статусе философского знания:

(1) всякая философская теория описывает мир или нечто в мире и, таким образом, обладает собственным предметом;

или, напротив,

(2) философия есть своего рода клининговый сервис, предлагаемый научным дисциплинам с целью очищения и упорядочения их концептуальных основ.

Различие между этими подходами состоит в противоположных ответах на вопрос: носит ли философская «теория» предметный или инструментальный характер, направлена ли она на описание пусть даже самых абстрактных и всеобщих свойств вещей, или философия может быть лишь набором инструментов и рецептов, помогающих познавательным процессам, осуществляемым в других областях. Я склоняюсь ко второй позиции, и в ее поддержку постараюсь привести некоторые аргументы.

Эпистемическая презумпция, лежавшая в основе философии с момента ее появления, состояла в том, что «разум» помогает увидеть «умопостигаемые сущности», а логические операции над абстрактными понятиями помогают прийти к неким сверхчувственным «истинам», в то время как чувства нас обманывают. Затем выяснилось, что «разум» ничуть не более надежен. Он тоже способен «обманывать», то есть порождать химеры, как и чувства. И если у познающего субъекта есть только *два окна в мир* — чувственное и рациональное — и оба показывают химерические картинки, то, чтобы получить хотя бы какую-то путеводную нить, остается попытаться установить некие связи или соответствия между событиями в обоих окнах¹. Медиумом в поиске соответствий естественным образом оказывается язык. Истины первого вида добываются наблюдением, истины второго вида, как правило, с помощью дедукции из правдоподобных гипотез. Как только мыслящие представители человечества набредают на хорошо работающие правила соответствия между двумя видами истин относительно какого-то предмета, возникает новая научная теория.

Философия принципиально отличается от науки именно отсутствием такой взаимно обязывающей связи между опытом и рассуждением. В этих условиях претендовать на статус объектной теории, что-либо говорящей о мире, было бы серьезной неосторожностью со стороны философии. Обосновать такую претензию можно было бы одним из следующих соображений:

(1.1) философия не нуждается в фактуальном базисе, поскольку аподиктичность ее истинам придают иные источники знания: интеллектуальная интуиция или какая-либо разновидность мистического опыта;

или

(1.2) на самом деле философия опирается на опыт, поскольку философы — живые люди, живут в реальном мире, а также они все же знакомы с данными науки.

В истории философии и науки достаточно примеров, когда якобы аподиктические интеллектуальные интуиции оказывались психологически случайными (трехмерное

пространство, универсальное время, непрменная плотность и протяженность материи и т.д.). Опираясь на, казалось бы, самоочевидную и несомненную истину, вы ни от чего не гарантированы: в следующий миг может появиться успешная научная теория, основанная на совершенно контринтуитивных посылах, противоречащих аксиомам вашей философии. Что же касается мистического опыта, мне уже случалось рассуждать на эту тему [Михайлов 1996]. Вкратце: мистический опыт нерелевантен, потому что отсутствуют общезначимые критерии его адекватности.

Что же касается обыденного опыта или общенаучных знаний, которые в той или иной мере имеются почти у всех современных людей, не исключая философов, то, не оспаривая этого очевидного факта, я замечу, что факт может иметь значение для хорошо построенной теории лишь в одном случае, когда мы точно знаем, как он повлияет на ее истинность. Конечно же, этот подход не гарантирует, что такая теория непременно окажется «адекватным отражением действительности», но только она и имеет право называться наукой. Подлинно же философской проблемой остается то, что мы пока не знаем, почему та или иная научная теория хорошо работает.

Итак, (1.1) и (1.2) — основные, если не единственные, возможные условия, при которых философия могла бы функционировать как объектная теория с надежными критериями истинности, что-либо говорящая о мире как он есть. Как ни обидно это покажется кому-то, но, по крайней мере с начала XX в., а тем более сейчас, ей уготована участь «служанки науки»², подобно тому как в Средние века она была «служанкой богословия». Однако роль служанки может быть благородной и почетной: она, по остроумному замечанию Канта, может нести факел перед своей милостивой госпожой, а не только шлейф позади [Кант 1994⁶, 70]. И поскольку нам не привыкать служить другим, разберем, что на самом деле входит в наши обязанности.

Как работает наука

В общем виде научная деятельность представляет собой порождение правдоподобных гипотез, вывод из них эмпирических следствий и сопоставление последних с фактами при строгом соблюдении принципа фальсифицируемости.

Традиционно считается и преподается во всех соответствующих курсах, что научное знание имеет два уровня: теоретический (где гипотезы становятся теориями) и эмпирический (где добываются факты, обеспечивающие эти превращения). Но, на мой взгляд, можно и нужно говорить *еще об одном уровне*. Как теоретические, так и эмпирические предложения любой науки формулируются в специфических терминах, которые семантически интерпретируются на определенной предметной области, относясь к ее объектам, свойствам и отношениям. В основе любой теории лежат представления о том, какие объекты здесь имеют место, какими свойствами они в принципе могут обладать и в какие отношения могут вступать. По умолчанию считается, что ученый получает эти представления непосредственно из наблюдения. Однако это не совсем так.

Представьте себе, что вы сидите в комнате, вдруг отворяется дверь, и входит ваш коллега. Вы записываете протокольное предложение: «В 18:32 отворилась дверь и вошел Иван». Однако посмотрим внимательнее, какие события произошли на самом деле в перспективе, видимой из первого, чувственного окошка (см. предыдущий раздел): послышался звук, слегка изменилась освещенность вашего визуального поля, вы почувствовали легкое движение воздуха и т.д. Теперь вообразим, что в этой же комнате в это же время на стене сидит муха. Если событие появления Ивана произошло в «объективном мире», а мы по умолчанию предполагаем, что с мухой разделяем один и тот же большой мир, то как это событие отразят ее фасеточные глаза и чувствительные щетинки на лапках, передающие ощущения вкуса? Мы не знаем. А если вместе с Иваном в комнату залетит знаменитая нагелевская летучая мышь, то возникнет еще одна чувственная проекция появления Ивана, которую мы не можем себе даже вообразить. Если бы муха и летучая мышь использовали знаковые системы для коммуникации с сородичами, кто знает, какие объекты, свойства и отношения фигурировали бы в их отчетах, да и вообще были ли бы их онтологические категории именно такими.

Благодаря философским дискуссиям вокруг *квалиа* мы точно знаем, что феноменальный мир мухи и летучей мыши отличен от нашего. Но если говорить о существах с точно таким же сенсорным аппаратом, как у нас, о наших сородичах, то мы и здесь не можем быть абсолютно уверенными в схожести наших восприятий цвета и других качественных характеристик наблюдаемых феноменов. Но предложение «В 18:32 отворилась дверь и вошел Иван» адекватно поймет любой носитель русского языка, знакомый с ситуацией. Это значит, что, прежде чем сформулировать любое предложение наблюдения, мы должны иметь концептуальную схему объектов, свойств и отношений, желателен разделяемую другими участниками коммуникации. Такие схемы, конечно, зависят от общего устройства наших сенсорных аппаратов, но также зависят они и от категориального строя нашего языка, культурных традиций и, возможно, других факторов. Если говорить о таких концептуальных схемах на обыденном уровне, они логически случайны, не зависят напрямую от действительной структуры мира, до которой мы пытаемся дотянуться с использованием всех наших когнитивных способностей, и не предопределяются фатально видом из нашего чувственного окошка.

Но в еще меньшей степени такие концептуальные схемы предопределяются всем этим в науке. Здесь, как мы помним, существует задача установить взаимно обуславливающие отношения между данными опыта и абстрактными гипотезами. Но и теоретические положения, и предложения наблюдения, и сами данные должны быть представлены в терминах определенной концептуальной схемы. И такие схемы в науке творчески выбираются или порождаются самими учеными. Выбор концептуальной схемы предопределяет успех или неуспех научной теории не в меньшей степени, чем выбор формального аппарата³. Свободным и творческим решением И. Ньютона было принято, что физический мир состоит из физических тел, которые из интересных свойств обладают только массой, а также способностью двигаться прямолинейно и равномерно, пока на них не действуют какие-либо силы. Удачно найденная концептуальная схема позволила непротиворечивым образом применить математику как к формулируемым гипотезам, так и к данным опыта. В результате человечество получило одну из самых успешных в его истории научных теорий, практические выходы которой существенным образом изменили лицо планеты.

В современных науках о структурах данных и представлении знаний такие концептуальные схемы принято называть *онтологиями* [Almeida 2013]. Поэтому определяемый мною третий уровень научного знания я буду называть уровнем *научных онтологий*. Важно отметить следующее:

1. Научные онтологии *логически независимы* от теоретического и эмпирического уровня науки, и их выбор является творческим актом исследователя — автора научной теории.

2. Любая научная онтология служит общей *областью интерпретации* теоретических и эмпирических предложений данной науки.

3. «Предложения» онтологии (например, «даны объекты *O* и *P*») *не могут быть истинными или ложными*, в отличие от собственных предложений теории («из наличия свойства *A* у объекта *O* следует наличие свойства *B* у объекта *P*»). Они могут только оцениваться на корректность (и здесь может помочь философия) и на эффективность — насколько они способствуют хорошей работе теории, не затерялся ли в их составе, например, какой-нибудь излишний «флогистон».

Первый пункт требует следующих пояснений. Предположим, создается некая социальная теория. Ее автор говорит, например: в моей теории речь будет идти о личностях и социальных институтах. Личности будут обладать такими свойствами, как пол, возраст и набор социальных ролей. Социальные институты понимаются как устойчивые системы социальных ролей, реализуемых внутри и вовне института. Институты характеризуются (историческим) возрастом, степенью проникновения в общество и способом организации.

Все это относится к *научной онтологии*, а не к *теории*, поскольку здесь вводятся *типовые* объекты, их *возможные* свойства и *возможные* отношения между ними, и ничего пока не

утверждается о том, как обстоят дела в реальности. Здесь только задается структура предметной области, к которой будут относиться (на которой будут интерпретироваться) будущие теоретические положения. А вот когда будет сказано что-нибудь вроде: «Личности, связанные институтом брака, живут в среднем на 15% дольше» (в нашей модели это можно выразить, например, через сравнительную долю состоящих в браке среди великовозрастных личностей), исследователь приступит к формулированию собственно положений теории⁴. Подобные положения можно выразить на естественном языке, но тогда, действительно, трудно отличить их от положений онтологии по чисто формальным признакам. Их можно описать также и средствами какого-либо формализма — математического, логического или специально созданного под задачу. Тогда категориальная принадлежность высказывания станет более явной, поскольку положения онтологии будут формулироваться на некотором метаязыке. Очевидно, что между высказываниями в языке теории и высказываниями в метаязыке не может быть логических связей. В языке теории мы формулируем общие теоретические положения, выводим из них эмпирически значимые следствия, устанавливаем истинность или ложность последних путем наблюдения и транслируем их истинностные значения обратно, в сторону теоретических обобщений, насколько это позволяют сделать логические правила. Язык теоретических законов и язык эмпирических фактов — это один и тот же язык, что именно и позволяет совершать логический вывод «сверху вниз» и транслировать обоснование «снизу вверх». Следовательно, суждения онтологии — *онтологические презумпции* [Михайлов 2015, 16–19] — логически независимы от теоретических и эмпирических высказываний в рамках одной и той же научной теории.

Относительно *второго пункта*: может оказаться, что формула, выражающая теоретический закон, применима и к другой предметной области: например, выяснится, что если заменить личностей на львов, а институт брака на львиный прайд, формула останется истинной. Тогда ранее описанная предметная область окажется *одной из возможных моделей*, на которых может быть интерпретирована теория. Концепция моделей является важной частью семантики логики предикатов [Tarski 1983, 416–417]. Я понимаю научные онтологии в очень похожем смысле.

Относительно *третьего пункта*: часто, к сожалению, все высказывания о существовании / несуществовании чего бы то ни было рассматриваются как часть мироописания и на этом основании оцениваются как истинные или ложные. Это происходит потому, что высказывания типа «Пегасов не существует» и «Эфира не существует» имеют одинаковую грамматику в естественном языке. Однако, как уже отмечено в [Михайлов 2017, 117], высказывание о пегасах относится к экземплярам типа и обладает эмпирической истинностью. Поэтому, конечно, нет никакого противоречия между «Пегас есть лошадь с крыльями» и «Пегасов нет на свете»: первое предложение характеризует тип, второе — экземпляры. Высказывание об эфире относится, напротив, к типу и означает буквально следующее: теории, обходящиеся без эфира как объекта своей онтологии, работают лучше, чем теории, исходящие из его существования. Приемлемость и признанность этого высказывания научным сообществом носит, на самом деле, конвенциональный характер.

Почему наука работает

Как уже было сказано, миссия науки состоит в том, чтобы найти правила соответствия между событиями феноменального мира и суждениями разума, коль скоро каждый из этих источников возможных истин оказался ненадежным, а других у нас нет. Однако связка двух познавательных способностей тем крепче и надежнее, чем ближе к однозначному найденное и подтвержденное соответствие. Так, разум может подсказать мне, что на некоторых объектах (или субъектах) мира выполняется отношение «быть богаче». Опытные данные сделают очевидным, что некто Иван богаче меня. Аналогичные данные дадут основание утверждать, что и Петр также меня богаче. Но если это отношение определено только как качественное, то сопоставление этих фактов не даст никакого приращения знания. Если же оно выражено в какой-либо количественной форме и я могу сформулировать, насколько именно богаче меня каждый из моих знакомых, я вслед

за этим, путем несложной арифметической операции, смогу определить то же отношение на паре «Иван и Петр», не прибегая к специальным исследованиям. Таким образом, если искомые правила соответствия выражены в количественных терминах, их познавательный потенциал принципиально выше.

Почему так происходит, поможет определить краткий экскурс в эпистемическую логику и ее применение в теории мультиагентных систем (МАС). Автор комплексного руководства по МАС М. Вулдридж, обращаясь к проблеме распределенного знания (когда один агент знает, например, что A , а другой, что $A \supset B$, и это означает, что в системе содержится знание, что B), считает, что ограничения, накладываемые на возможные миры, в общем случае означают увеличение знания. Количество знания и число возможных миров, допустимых при наличии именно этого знания, находятся в обратной зависимости. В рамках «событийного» похода некоторый агент знает некоторое событие, если множество всех состояний, которые из его перспективы представляются возможными, содержит это событие. Основываясь на этих соображениях, автор формулирует принцип обратного отношения знания и возможных миров: каждое добавленное знание уменьшает число возможных состояний в перспективе агента. Таким образом, ценность любого знания прямо пропорциональна числу исключенных им возможных состояний.

Если в рамках исключительно логически организованного рассуждения мы, произнося истинное предложение «Подброшенный мяч упадет на землю», исключаем очень небольшое число возможностей — «полетит вверх», «зависнет», «исчезнет», «кто знает?», то говоря «Подброшенный мяч упадет на землю с ускорением $9,8 \text{ м/с}^2$ », мы исключаем помимо перечисленных вариантов со всем бесконечным множеством численных значений ускорения, отличных от $9,8$. Конечно, ценность такого знания неизмеримо выше, и оно имеет реальные технологические перспективы.

Кто только не цитировал высказывание Галилея о книге природы, написанной на языке математики, или Канта о том, что в любом разделе естествознания столько науки, сколько в нем математики. Эмпирически очевидно, что математизация естествознания неизмеримо повысила его эпистемическую и технологическую эффективность, буквально изменив лицо планеты. Но в контексте понимания научного познания как наведения мостов между обманчивой чувственностью и бесплодной самой по себе рациональностью интересен не только сам кантовский афоризм из «Метафизических начал естествознания», который, как правило, цитируют неточно, но и рассуждения, которые ему сопутствуют. Я позволю себе привести соответствующий отрывок целиком с необходимыми сокращениями:

Вместе с тем я утверждаю, что в любом частном учении о природе можно найти науки в *собственном* смысле лишь столько, сколько имеется в ней *математики*. Ведь согласно сказанному, наука в собственном смысле, в особенности же естествознание, нуждается в чистой части, лежащей в основе эмпирической и опирающейся на априорное познание природных вещей. Познать же что-либо а priori — значит познать это на основе одной только его возможности. Но возможность определенных природных вещей не может быть познана на основе одних лишь понятий... Следовательно, чтобы познать возможность определенных природных вещей, стало быть познать их а priori, требуется еще, чтобы было дано соответствующее понятию априорное *созерцание*, т.е. чтобы понятие было конструировано. Но познание разумом, основанное на конструировании понятий, есть познание математическое. Итак... чистое учение о природе, касающееся *определенных* природных вещей (учение о телах и учение о душе), возможно лишь посредством математики; и так как во всяком учении о природе науки в собственном смысле имеется лишь столько, сколько имеется в ней априорного познания, то учение о природе будет содержать науку в собственном смысле лишь в той мере, в какой может быть применена в ней математика [Кант 1994^a, 251–252].

Рассуждение заканчивается утверждением, что пока для химии «не найдено поддающегося конструированию понятия для химических воздействий веществ друг на друга», она не может считаться наукой в собственном смысле. Перспективу же математизации наук о душе философ оценивал крайне скептически, приводя для этого любопытный аргумент (но это предмет отдельной статьи).

Наука, согласно Канту, нуждается, наряду с эмпирической, которая опирается на априорное познание природных вещей, в «чистой» части. Это значит, что познаваемые данной наукой «*вещи*» должны быть в общем и целом даны ученому *до того*, как он приступит к изучению действительных положений дел. Речь, конечно же, идет о модели изучаемой реальности, описанной с точки зрения «существенных» свойств и отношений и описанной таким образом, чтобы основные ее законы можно было бы выразить математическими формулами. Более того, я, как и Кант, считаю, что понятия, составляющие онтологию, чувственно нагружены. Но, на мой взгляд, причина этого состоит в том, что понятия онтологии, называющие объекты, их свойства и отношения, де-факто служат интерфейсом между хаосом чувственных данных и условным порядком рассудка и должны поэтому содержать работающие ссылки на обе познавательные способности.

«Чистая» часть науки – это и есть онтология, или концептуальная схема, на которой интерпретируются теоретические и эмпирические высказывания. Ее выбор, действительно, не зависит от опытных данных, но не потому что предопределен трансцендентальной природой познающего субъекта, а, напротив, потому что представляет собой свободный творческий акт создателя теории, ограниченный только рамками свободной и – в идеале – честной научной конкуренцией. Кроме того, математика не неизбежна и не необходимо «предписана» науке. Как бы мы ни обосновывали природу и эпистемическую ценность математического знания, очевидно одно: количественное описание мира намного эффективнее качественного. Но в принципе возможно построить хорошую фальсифицируемую научную теорию, структурированную исключительно логикой, но не математикой. Это будет качественная теория, и она будет работать в определенных пределах. Но, как мне удалось, я надеюсь, показать, познавательная «мощность» такой теории будет ниже количественно ориентированной, поскольку меньше будет число исключенных ею возможных состояний, а ценность знания прямо пропорциональна числу возможных миров, которые оно делает невозможными.

Что и как делать философии

Если философия не располагает собственным выходом к миру, подобным тому, который находчиво проложила наука, то ей остается два пути: или продолжать притворяться, будто она может что-то знать о мире самостоятельно, или быть полезной, найдя себе работу по плечу. У нее нет экспериментальных средств, чтобы проверять выводы рассудка, у нее также нет математической компетенции, чтобы участвовать в строительстве теории. Но поскольку наука не исчерпывается эмпирическим и теоретическим уровнем, а опирается еще и на независимо от них выработанную онтологию своей предметной области, философия может пригодиться в этом пункте, предложив методы и эвристики для создания концептуальных схем, объектных моделей для интерпретации предложений науки. У нее за плечами более чем двухтысячелетний опыт выполнения работы. Смысл этой деятельности философы не всегда понимали адекватно: когда предметных наук не было, они считали, что непосредственно открывают истину при помощи исключительно рассуждения. Затем, когда науки появились, философы долгое время полагали, что за ними остается метафизика, учение о «началах» сущего, важной частью которой должна быть общая онтология – рационально обоснованный ответ на вопрос «Что есть?», как его впоследствии сформулировал Куайн. Далее последовал непродолжительный период почти всеобщего отказа философов от метафизики, а, следовательно, и от онтологии.

Сегодня, когда метафизика возвращается даже в штаб-квартиры аналитической философии, вновь встают вопросы об уместности философской онтологии, онтологической относительности, онтологическом плюрализме и т.п. (см.: [Matti 2006]). В рамках

моей концепции философская онтология нерелевантна, и вот почему. Онтология есть концептуальная модель системы объектов, на которой интерпретируется научная теория. Если есть некая философская онтология, то на ней должна интерпретироваться какая-то теория. Если это научная теория, то что делает такую онтологию философской? А неуместность философских «теорий» была мною обоснована в первом разделе. Онтология же вне какой бы то ни было теории является исключительно предположением, какие объекты с какими свойствами могли бы существовать, чтобы быть предметом осмысленных высказываний. В любом случае, предполагаемая философская онтология повисает в воздухе, лишенная каких бы то ни было семантических и прагматических опор. И тем не менее основная сфера приложения философии лежит именно в сфере онтологии. Как это возможно?

Онтология, в моем понимании, это не описание мира как он есть, а описание мира, каким он мог бы быть при условии истинности соответствующей научной теории, в ситуации, когда эмпирические следствия теории подтверждаются фактами при интерпретации ее на данной онтологической модели. Излишне говорить, что истинность теории не влечет с необходимостью адекватность ее онтологии миру как он есть хотя бы потому, что моделей для интерпретации данной теории всегда может быть больше, чем одна (как утверждается, работающие и сегодня уравнения термодинамики были сформулированы еще для флогистона). И спектр философских позиций может простирается здесь от наивного реализма — мир именно таков, каким его представляет онтология нашей истинной теории — до крайнего скептицизма и релятивизма, оснований для которых достаточно. И здесь для философии есть две работы: одна трудная, другая полечче. Первая — ее, перефразируя Чалмерса, я назвал бы *трудной проблемой метаонтологии* — состоит в поисках «трансцендентальных» оснований научных онтологий, в попытках определить, какое отношение могут иметь онтологии успешных научных теорий к подлинной природе мира. И вторая — *легкая проблема метаонтологии* — состоит в выработке общезначимых методологий и эвристик «строительства» научных онтологий, а также рациональной критики уже построенных. Это как раз та работа, которая реально помогла бы науке, ускоряя порождение новых теорий и делая более эффективными уже существующие.

Термин «метаонтология» не является моим изобретением. Если верить авторам комплексного руководства по философским проблемам, связанным с онтологией [Verto, Plebani 2015], первенство принадлежит Петеру ван Инвагену [Inwagen 1998], по мнению которого, если главный вопрос онтологии, согласно Куайну, это «Что есть?», то метаонтология отвечает на вопросы «Что мы имеем в виду, спрашивая, что есть?» и «Какова корректная методология онтологии?».

В уже упомянутой статье [Михайлов 2017] я также ввожу этот термин, приводя примеры метаонтологических рассуждений в «Метафизике» Аристотеля и «Логико-философском трактате» Витгенштейна, и даю определение метаонтологии как *философской «теории», трактующей возможность объектов и субстанции как формы данности мира*. Кавычки в этом определении внимательному читателю объяснять не нужно, а «возможность объектов» сама по себе представляет интересную проблему, поскольку Платон, например, предложил *безобъектную онтологию*, где роль субстанции мира выполняются как раз свойства, а объекты *как бы* существуют в их пересечениях. Нечто подобное — на другом основании — сделал Беркли, что заставляет предполагать, что то, что мы всегда называли «идеализмом», представляет собой попытку положить в основу онтологии что-то иное, помимо объектов. Почему это неудачная идея, объяснил Витгенштейн [Wittgenstein 1974, 7–8]: множественность объектов составляет субстанцию (форму) мира, и именно она ответственна за логическую независимость друг от друга и случайность элементарных предложений. Если бы это было не так, истинность одного элементарного предложения зависела бы от истинности другого, и картину мира невозможно было бы сформировать — ни истинную, ни ложную. Впрочем, все только что сказанное можно интерпретировать как пример метаонтологического рассуждения.

Каков итог

Итак, современная наука, как правило, неплохо справляется со своими задачами. Теоретики предлагают формальные модели, воспроизводящие существенные свойства и отношения предметной области, экспериментаторы наполняют эти модели данными, подтверждая их право называться теорией этой области или дезавуируя его. Но мы теперь знаем, что те и другие могут успешно работать в команде, только если имеют возможность интерпретировать свои высказывания и данные на кем-то удачно подобранной (построенной) онтологии. Чаще всего в истории науки счастливый выбор работающей концептуальной схемы осуществляли гениальные одиночки – Аристотель, Ньютон, Дарвин... Вместе с тем и диалоги Платона, и бесконечное испытание абстрактных понятий в схоластике, и рассуждения философов Нового времени о субстанциях, атрибутах и акциденциях есть не что иное, как длящиеся попытки сформулировать правила и эвристики для получения «правильных» онтологий любых предметных областей. Философия в своих лучших проявлениях и в лице своих лучших представителей всегда занималась своим делом, хотя и не всегда осознала это, ошибочно полагая, что познает мир.

Учитывая четко очерченную, наконец, сферу профессиональных компетенций философии, можно определить области приложения ее отдельных разделов. Так, философия сознания имеет смысл как *критика онтологий* когнитивных наук, социальная и политическая философия, философия истории, религии, права и т.п. занимаются анализом концептуальных схем наук, изучающих общество в целом и его отдельные срезы. И венчает всю конструкцию метафизика со своим неудачным названием – неудачным, поскольку, как мы выяснили, она на самом деле занимается метаонтологией, без какой-либо специальной привязки к физике. Результат усилий философии в целом и ее специальных разделов – не истины мира, а правила корректности онтологий, например, четкое разделение объектов, свойств и отношений, критерии существования и правила квантификации как в логическом, так и в математическом смысле. Если какая-либо онтология работает в составе научной теории лучше, чем другая, это не значит, что мир именно таков, как он ею изображается⁵.

Эпистемология и этика стоят немного особняком. Первая занимается тем же, чем я в настоящей статье, а именно попыткой выяснить, как взаимодействие различных уровней и отделов науки может давать надежные ориентиры в мире. Вторая, насколько я могу судить, пытается определить условия валидности нормативных высказываний, например, о человеческих поступках – могут ли они в принципе обосновываться какими-либо фактами в мире. Но, во-первых, они обе и не претендуют на описание мира как такового, а во-вторых, быть может, они существуют в особом статусе, пока не появились эмпирические науки, которые вытеснили бы их из сферы объектных описаний подобно тому, как физика вытеснила философию природы. Последнюю возможность я лишь не исключаю, но не утверждаю.

Философия, подобно всякому ищущему себе применение соискателю работы, должна послать науке, своему наиболее вероятному и наиболее состоятельному работодателю, резюме, в котором сообщить: «Обладаю уникальным многовековым опытом анализа и построения онтологий (концептуальных схем) научного знания. Способна серьезно повысить эффективность вашего бизнеса». А если попросят представить примеры успешных проектов, можно указать на роль, которую сыграл пифагореизм на заре математического естествознания, или на значение Аристотеля для биологии, или сослаться на Эйнштейна, признавшего влияние на него эмпириокритицизма.

Логические отношения между теоретическими и эмпирическими предложениями, как уже говорилось, могут быть вычислены и искусственным интеллектом. Объектная интерпретация, напротив, является средством «одомашнивания» научной теории в рамках «жизненного мира» человека⁶. Однако эта деятельность – я предпочитаю называть ее *концептуальным анализом* – имеет за собой многовековую традицию: от размышлений Парменида и Демокрита, диалогов Платона и метафизики Аристотеля, через схоластику к «Логико-философскому трактату» и аналитической метафизике. Это

и есть легитимная сфера приложения философии, впрочем, не только в науке. Законный, хотя пока недоосвоенный участок логики и математики, формально-теоретический уровень «текстов» и «кодов» культуры (в терминологии Лотмана), эпистемически корректное и технологически плодотворное изучение которых также остро нуждается в правильно построенной онтологии. И лишь наука как таковая в единстве всех трех элементов имеет право претендовать на описание мира.

Примечания

¹ Для пояснения этой мысли хорошо подходит предложенная (по несколько другому поводу) А. Ноэ и К. О’Реганом метафора дистанционно управляемого батискафа, все датчики которого оказались переподключены зловредным морским чудовищем. Сидящие за пультом ученые вынуждены искать регулярности в ставших бессмысленными показаниях приборов (см.: [Логинов, Спиридонов 2017, 33–34]).

² Здесь я, конечно, несколько суживаю спектр ее применений в риторических целях. В действительности философия может равно усердно прислуживать искусству, юриспруденции, религии и т.п., критически анализируя их концептуальные структуры и эпистемологические основания. Подменять собою их, равно как и науки, было бы с ее стороны слишком большой самонадеянностью.

³ В другой публикации [Михайлов 2017] я показываю, что сравнительно более скромные успехи социальных и гуманитарных наук могут быть объяснены тем, что для них пока не найдены хорошо работающие онтологии.

⁴ Альтернативная теория может утверждать, например, что личности в браке живут на 20% меньше, оставаясь при этом в рамках той же онтологии.

⁵ Хотя, перефразируя Витгенштейна [Wittgenstein 1974, 82], можно сказать: то обстоятельство, что некоторая онтология работает лучше, чем другие, все же говорит нечто о мире. Другое дело, что это нечто невозможно выразить в дескриптивной форме.

⁶ Это утверждение не касается формальных онтологий, построенных для компьютерных моделей и ИИ (см.: [Calero, Ruiz, Piattini 2006]). Но данное обстоятельство лишь подчеркивает наше родство с искусственным интеллектом — он тоже нуждается в объектных моделях.

Источнику — Primary Sources

Кант 1994^a — *Кант И. Метафизические начала естествознания* // Кант И. Сочинения. В 8 т. Т. 4. М.: Чоро, 1994 (Kant, Immanuel, *Metaphysische Anfangsgrunde der Naturwissenschaft*, Russian Translation).

Кант 1994^b — *Кант И. Спор факультетов* // Кант И. Сочинения. В 8 т. Т. 7. М.: Чоро, 1994 (Kant, Immanuel, *Der Streit der Fakultäten*, Russian Translation).

Tarski, Alfred (1983) *Logic, Semantics, Metamathematics*, Hackett, Indianapolis.

Wittgenstein, Ludwig (1974) *Tractatus Logico-Philosophicus*, Routledge & Kegan Paul, London.

Ссылки — References in Russian

Логинов, Спиридонов 2017 — *Логинов Н.И., Спиридонов В.Ф. Воплощенное познание как современный тренд развития когнитивной психологии* // Вестник СПбГУ. Психология и педагогика. 2017. Т. 7. Вып. 1. С. 25–42.

Михайлов 1996 — *Михайлов И.Ф. Витгенштейн и проблема мистического опыта* // Философские идеи Людвиг Витгенштейна. Ответственный редактор М.С. Козлова. М.: ИФРАН, 1996. С. 116–122.

Михайлов 2015 — *Михайлов И.Ф. Человек, сознание, сети*. М.: ИФРАН, 2015.

Михайлов 2017 — *Михайлов И.Ф. К общей онтологии когнитивных и социальных наук* // Философия науки и техники. 2017. № 2. С. 103–119.

Has Time of Philosophy Passed?

Igor F. Mikhailov

In the age, when empirical sciences, such as cognitive psychology, artificial intelligence and neuro-ethics, go on invading the territory remained with philosophy after the Kantian ‘Copernican revolution’, the inevitable question is posed: is philosophy as such becoming only an item in the mankind's historical archive and a portion of an educated person's background, while having no more impact on the actual search for truth? In the paper, through a partial revision of the conventional views on the structure of scientific knowledge, the legitimate application area for philosophers' professional competences is determined. First, arguments are presented that demonstrate that possible claims of philosophy to be a science-independent description of the world are inappropriate. Then, the analysis of scientific knowledge structure reveals the previously largely ignored element therein: namely, scientific ontologies or conceptual schemes. A principal point is logical independence of scientific ontologies from the theoretical and empirical components of science. A choice of an ontology is considered here to be a free choice and a creative act of a scientist that affects competitive advantages of a proposed theory. The analysis and criticism of scientific ontologies is proposed to be regarded as a legitimate application area of philosophical competences, along with metatology, which is a normative discipline interpreting opportunities and rules for constructing subject ontologies.

KEY WORDS: ontology, metaontology, scientific theory, object, model, mathematics, epistemology, philosophy of science.

MIKHAILOV Igor F. — CSc in Philosophy, Senior Researcher, Institute of philosophy, Russian academy of sciences.

ifmikhailov@gmail.com

https://eng.iph.ras.ru/igor_mikhailov.htm

Received at March 4, 2018.

Citation: Mikhailov Igor F. (2019) “Has Time of Philosophy Passed?”, *Voprosy Filosofii*, Vol. 1 (2019), pp. 15–25.

DOI: 10.31857/S004287440003613-9

References

- Almeida, Mauricio B. (2013) ‘Revisiting Ontologies: A Necessary Clarification’, *Journal of the American Society for Information Science and Technology*, Vol. 64 (8), pp. 1682–1693.
- Berto, Francesco; Plebani, Matteo (2015) *Ontology and Metaontology. A Contemporary Guide*, Bloomsbury, London, New York.
- Calero, Coral, Ruiz, Francisco, Piattini, Mario, Eds. (2006) *Ontologies in Software Engineering and Software Technology*, Springer, Berlin.
- Inwagen, Peter van (1998) ‘Meta-Ontology’, *Erkenntnis*, No. 48 (2–3), pp. 233–250.
- Loginov, Nikita I., Spiridonov, Vladimir F. (2017) ‘Embodied Cognition as a Current Trend in Cognitive Psychology’. *Vestnik SPbSU. Psychology and Pedagogy*, Vol. 7, Issue 1, pp. 25–42 (in Russian).
- Matti, Elkund (2006) ‘Metaontology’, *Philosophy compass*, 1/3, pp. 317–334.
- Mikhailov, Igor F. (1996) ‘Wittgenstein and the Problem of Mystical Experience’, Maria S. Kozlova (Ed.) *Philosophical Ideas by Ludwig Wittgenstein*, IPhRAS, Moscow (in Russian).
- Mikhailov, Igor F. (2015) *Man, Mind, Networks*, IPhRAS, Moscow (in Russian).
- Mikhailov, Igor F. (2017) ‘Towards the Shared Ontology of Cognitive and Social Sciences’, *Philosophy of Science and Technology*, No. 2, pp. 103–119 (in Russian).